

Участие киноимператора Гао Лана и официальное подтверждение роли популярной актрисы Ли Маньмань взвинтили и без того небывалый интерес к фильму «Персик за горой».

Режиссер Ся Чуньчжи держал съемочную площадку в ежовых рукавицах, однако даже его железная дисциплина не останавливала настырных папарацци. Каст, собравший на одной площадке прославленного киноимператора, востребованную молодую актрису и вечного генератора громких заголовков, притягивал охотников за сенсациями как магнит. Даже не имея шанса проникнуть за ограждение, они круглосуточно дежурили у внешнего оцепления в надежде поймать удачный ракурс и сделать хотя бы пару эксклюзивных кадров.

Линь Тунси сегодня оделся максимально неприметно: простой черный спортивный костюм, расстегнутый пуховик оверсайз да темная маска. Стоило ему переступить порог отеля и стянуть маску, как он нос к носу столкнулся с Цинь Нанем.

Цинь Нань расплылся в довольной, широкой улыбке, у Линь Тунси же от этого зрелища непреодолимо потянулись пальцы к вискам — так внезапно навалилась головная боль.

«То-то этот хитрый волчонок так легко отступил в прошлый раз и испарился без лишних уговоров, — подумал Тунси, разглядывая сияющее лицо парня. — Всё рассчитал наперед, чтобы подстеречь меня здесь»

Лэ Бэй и Лэ Жань при виде Цинь Наня опешили, но быстро взяли себя в руки и поспешили поздороваться. Помня о лишних ушах вокруг, братья вежливо величали его «господином Цинем» и ни в какую не соглашались отдать ему багаж.

Куда там! Силы Цинь Наню было не занимать — близнецы и опомниться не успели, как чемодан Линь Тунси переключал в его цепкую хватку. Сделав шаг вперед, он бесцеремонно пристроился плечом к плечу с Тунси.

— Как представитель инвесторов, я буду сопровождать тебя вплоть до окончания съемок следующей весной.

Чтобы оказаться здесь, Цинь Наню действительно пришлось провернуть небольшую авантюру. Ни режиссер Ся, ни кто-либо еще в группе понятия не имели, кто он такой на самом деле. Для всех присутствующих он оставался рядовым уполномоченным от Культурно-медийной компании Байяо, присланным курировать вопросы финансирования и кинопроизводства.

Весь его замысел изначально сводился к одному — выкроить побольше времени, чтобы побыть рядом с Линь Тунси. Едва прослышав о поиске спонсоров для «Персика за горой», он без колебаний вложил деньги, ведь Ся Чуньчжи лично подтвердил ему, что Тунси утвержден на главную роль. А вот о том, что к касту примкнут Гао Лан и Ли Маньмань, Цинь Нань узнал только на том злополучном банкете.

«Сам виноват, — мысленно отругал себя Цинь Нань. — Зациклился на любимом человеке и

совершенно упустил из виду остальные детали. Что ж, впредь придется быть куда осмотрительнее во всем, что касается Линь Тунси»

Съемки картины должны были занять около четырех месяцев. Линь Тунси, исполнявшему одну из главных ролей, предстояло проводить на площадке львиную долю времени, так что его смена завершалась позже всех.

Тунси прекрасно понимал, что этот наглец использует служебное положение в личных корыстных целях, но придраться было не к чему — полномочия у волчонка были абсолютно легальными. Оставалось лишь смириться.

Как только они поднялись в номер, Цинь Нань опустил поклажу на пол, и близнецы тут же утащили чемоданы в спальню разбирать вещи. Линь Тунси снял пуховик, аккуратно повесил его на плечики и, повернувшись, наткнулся на пристальный взгляд Цинь Наня. Губы Тунси непроизвольно сжались.

— Ты собрался торчать здесь целых четыре месяца? — спросил Тунси. — А как же дела в компании? Конец года — самая горячая пора. Годовые отчеты, бюджетное планирование на следующий сезон... Ты не планируешь возвращаться в офис? Рассчитываешь, что тебе сюда будут возить документы курьерами?

Натурные съемки «Персика за горой» планировались в основном в глуши — среди диких гор и у воды. Режиссер Ся решил сначала отснять весь уличный материал, пока в павильонах монтируют декорации, а ближе к Празднику весеннего равноденствия перевезти группу в студию.

Сейчас они обосновались в живописном южном городке, затерянном среди холмов и рек. Съемочная площадка находилась на приличном удалении от гостиницы. И хотя инфраструктура здесь была вполне сносной, до привычного комфорта мегаполиса местному быту было далеко. Руководить огромной корпорацией из такой глуши, вдали от штаб-квартиры — задача не из легких.

Однако Цинь Нань чувствовал себя здесь как дома. Освоившись в номере за пару секунд, он налил в чайник минералки, вскипятил воду и протянул Тунси дымящуюся кружку:

— Да ладно тебе. Будут присылать важные бумаги факсом или почтой, а я — подписывать прямо здесь. Не переживай, перед отъездом я все настроил как часы, никаких сбоев не будет.

Заметив, что Тунси по-прежнему косится на него со скепсисом, Цинь Нань широко ухмыльнулся:

— К тому же ты ведь сам ухитряешься совмещать съемки с делами собственной фирмы. Помнишь, когда я спросил, как тебе это удастся, ты ответил: «Талантливый человек талантлив во всем». Раз у тебя получается, то и я справлюсь.

Тунси сделал глоток горячей воды и, глядя на это самодовольное лицо, лишь мысленно махнул рукой. Спорить с ним было бесполезно.

Из спальни показался Лэ Бэй:

— Брат Линь, пора ехать. Из гримерной передали, что всё готово для примерки костюмов и пробного грима.

У Ся Чуньчжи было жесткое правило: во время предварительных кастингов актеры никогда не гримировались. Только после окончательного утверждения на роли художники по костюмам и гримеры приступали к детальной проработке экранных образов под конкретные типажи.

Сегодняшняя примерка была для актеров дебютной. Предполагалось не просто наложить грим, но и сделать пробные кадры, чтобы оценить, как лица смотрятся в объективе. К тому же это давало артистам возможность пообщаться в образах и лучше прочувствовать своих персонажей. Еще одна причуда режиссера Ся — не устраивать никаких предварительных читок и знакомств. Актеры должны были впервые встретиться лицом к лицу именно на съемочной площадке, уже при полном параде.

Цинь Нань тут же соорудил послушную гримасу и преданно захлопал ресницами:

— О, тогда не буду вас задерживать. Иди работай.

Линь Тунси на эту уловку не поддался. Прищурившись, он в упор спросил:

— Где твой номер?

По плану организаторов, Тунси выделили комнату в актерском крыле. Однако у него закрались серьезные подозрения, что этот проныра, пользуясь статусом инвестора, устроился где-то по соседству.

Цинь Нань соорудил предельно невинную мину:

— Да на первом этаже я, под вами. На одном уровне с режиссером Ся. Там же расположились продюсеры и ассистенты.

Ему, конечно, безумно хотелось выхлопотать себе особые привилегии, но здравый смысл возобладал. Как представитель «Байяо», он привлекал бы слишком много ненужного внимания, если бы поселился прямо в актерской зоне. Это выглядело бы по меньшей мере двусмысленно. Он приехал сюда завоевывать сердце Линь Тунси, а не плодить сплетни, так что пришлось смирить гордыню и занять комнату этажом ниже.

Соседние с Тунси номера заняли Гао Лан и Ли Маньмань. Опасаясь пересудов, Цинь Нань даже не пытался переиграть расселение, решив просто держать ухо востро и следить за ситуацией со стороны. В конце концов, переходить черту не стоило: мешать Тунси работать он не планировал ни при каких обстоятельствах.

Заметив, что Линь Тунси натягивает верхнюю одежду, Цинь Нань проявил чуткость и направился к выходу вместе с ним:

— У меня как раз сейчас совещание у продюсеров. Так что беги по делам, а я займусь своими.

Цинь Нань свернул на боковую лестницу, ведущую вниз, а Тунси остался ждать лифт, чтобы спуститься на парковку. Даже когда шаги волчонка стихли за поворотом, Линь Тунси еще какое-то время задумчиво смотрел ему вслед.

Работа представителя инвестора — далеко не синекура. Бесконечные планерки, согласования смет и контроль графиков съедали массу времени, не говоря уже о текущих делах в собственной компании Цинь Наня. Да и у самого Тунси свободного времени с сегодняшнего дня практически не останется — съемочный процесс закрутит его в бесконечной череде дублей. Даже находясь на одной площадке, они вряд ли будут пересекаться слишком часто. Опасность крылась в другом: этот упрямый хищник наверняка найдет любой предлог, чтобы вклиниться в его расписание.

Линь Тунси задумчиво обернулся к помощнику:

— Сяо Жань, ты ведь поддерживаешь связь с ассистенткой Цинь Наня?

Лэ Жань моргнул и после секундного колебания кивнул:

— Ну... общаемся иногда. Брат Линь, мне теперь нужно оборвать с ней все контакты?

— Вовсе нет, — мягко улыбнулся Тунси. — Когда наш контракт завершился, я не требовал сжигать мосты. Я не собираюсь ограничивать вашу свободу. Насколько я помню, вы с этой девушкой отлично ладили.

— Да она по нему сохнет! — ухмыльнулся Лэ Бэй. — Болтают часами, только признаться оба никак не решаются.

Лэ Жань вспыхнул от смущения, но спорить со старшим братом не стал.

Линь Тунси с улыбкой посмотрел на смущенного Сяо Жаня:

— Вот и славно, общайтесь на здоровье. Я к чему клоню: территория съемочной площадки

огромная, но зная Цинь Наня, он расшибется в лепешку, лишь бы случайно столкнуться со мной в каком-нибудь коридоре. Так что держи ухо востро. Расспрашивай его ассистентку о планах шефа, чтобы мы могли вовремя разминуться с ним на траектории. Договорились?

Лэ Жань облегченно закивал:

— Понял, брат Линь. Не переживай, я всё устрою.

В новой киноленте Линь Тунси досталась роль низложенного наследника престола.

С самого его появления на свет древняя династия неумолимо катилась к закату, сотрясаемая мятежами и смутой. Венценосный отец, владыка угасающей державы, нарёк своего единственного сына Хэюэ и сразу же провозгласил наследным принцем. Этим именем — «Гармония и Радость» — император отчаянно пытался вымолить у небес покой и благоденствие для истерзанной страны.

Увы, трехсотлетнее царство пришло в совершенный упадок. К моменту правления отца Хэюэ внутренние противоречия и груз накопленных проблем стали непреодолимыми — некогда великая империя обреченно рушилась. Повстанческие армии заполонили провинции, а вожди восставших один за другим свергали императорских наместников. С каждым годом власть прежних правителей таяла, пока окончательно не перешла в руки нового грозного лидера. Спустя несколько лет он безжалостно казнил свергнутого монарха и провозгласил создание новой династии.

Поняв, что рождение долгожданного преемника не принесло государству облегчения, а все попытки реформировать расколотую страну зашли в тупик, последний император решился на отчаянный шаг. Он сослал двухлетнего принца в отдаленный горный монастырь, чтобы тот затворничеством и молитвами умиловил разгневанных богов. Маленького Хэюэ заперли в уединенной келье. Из внешнего мира с ним остался лишь преданный юный слуга, а свидания с родной матерью-императрицей оказались под строжайшим запретом на долгие годы.

Когда наследнику исполнилось восемнадцать, грянул окончательный крах державы: царственных супругов предали мечу. Той же ночью в монастырских стенах вспыхнул страшный пожар. Когда пламя улеглось, среди пепелища не нашли ни тел, ни следов принца и его слуги — оба бесследно исчезли.

Поползли мрачные слухи. Одни шептались, будто Хэюэ тайно выследили и убили по приказу нового государя. Другие уверяли, что выжившему принцу удалось бежать, но попытка отомстить узурпатору стоила ему жизни. Истина же заключалась в том, что беглый наследник действительно вынашивал планы мести. Он жаждал крови узурпатора, и в этой смертельной игре ставки были невероятно высоки.

Едва дочитав сценарий, Линь Тунси до глубины души проникся трагической, изломанной судьбой принца Хэюэ. В нем вспыхнул азарт художника: безумно захотелось пропустить эту чужую, полную ярости и скорби жизнь через себя.

На сегодня была запланирована примерка ключевого образа — момента, когда скрывающийся под чужим именем принц Хэюэ после долгих скитаний впервые сталкивается с узурпатором за стенами дворца. Восемнадцать лет затворничества в стенах кельи тянулись для Хэюэ бесконечной, пресной чередой молитв. Настоящая жизнь началась для него лишь после побега из пылающей обители. Именно с этой поворотной точки и стартовало повествование в картине.

Скрывая благородное происхождение под именем Улэ, беглец выдавал себя за праздного отшельника, лишившегося крова из-за войны. Якобы не имея возможности вернуться в родные края, он обосновался в тихом городке неподалеку от столицы, коротая дни в мнимом покое. Мечтая вонзить клинок в грудь нового правителя, Хэюэ руководствовался не только слепой жаждой мести за гибель родителей — им двигали непомерные амбиции и собственное видение будущего страны.

Долгие годы, проведенные взаперти наедине с книгами мудрецов, не прошли даром: они выковали в нем истинно царское величие и глубокий, проницательный ум. В отличие от слабохарактерного отца, Хэюэ обладал волей реформатора и отчетливо видел коренные пороки угасавшей империи, приведшие ее к краху. В тишине своей кельи он анализировал хаос, бушевавший снаружи. Восемнадцать лет безмолвия лишь сильнее раздували в его груди скрытое пламя честолюбия. Судьба просто лишила его шанса. Получи он власть над единым, сплоченным государством, его правление затмило бы триумф узурпатора.

Однако на людях Улэ разыгрывал роль беззаботного чудака, подчеркнуто равнодушного к придворным интригам. При первой встрече узурпатор был очарован этой показной легкостью и отстраненностью. В только-только умиротворенной после войны стране встретить столь безмятежного человека казалось чудом, и заинтригованный император первым заговорил со странником. Для нового владыки Улэ оставался кем угодно, только не опасным заговорщиком с непомерными амбициями.

Грим и костюм Линь Тунси должны были тонко передавать эту двойственность, ни в коем случае не выдавая затаившегося хищника раньше времени.

Длинные волосы актера уложили в безупречно аккуратный узел, пустив по лбу несколько небрежных прядей. У висков заплели тонкие косички, среди которых серебряными нитями поблескивали искусственные седые волосы. Прическу скрепляла простая деревянная шпилька с изящной резьбой в виде цветов дикой орхидеи. На белоснежное нательное платье набросили легчайшее полупрозрачное одеяние, мягко подчеркивающее статную, подтянутую фигуру. Широкий пояс глубокого цвета индиго гармонировал с тонкими сапогами того же оттенка. От мягкой обуви исходил едва уловимый аромат персикового цвета, а к голенищам льнули крошечные искусственные лепестки.

Первая встреча Улэ и императора разворачивалась под сенью цветущих персиковых деревьев. Легкий ветерок кружил розовую метель, осыпая лепестками землю. Ступая по этому ковру,

Улэ оборачивался и сталкивался взглядом с облаченным в неброские темные одежды государем. Заметив упавший на плечо императора лепесток, Улэ мягким жестом смахивал его и замирал с мимолетной, загадочной улыбкой на губах.

Когда Линь Тунси в полном облачении переступил порог гримерной, суэта в павильоне мгновенно утихла. Работники съемочной группы застыли на местах, заворожено глядя на него. Люди, сновавшие мимо с костюмами и реквизитом, невольно замедляли шаг. Улавливая тонкий, дурманный аромат персика, они не могли отвести от Тунси глаз.

Шумный, заваленный вещами павильон погрузился в благоговейную тишину, сквозь которую отчетливо донесся чей-то приглушенный, полный восторга девичий вздох:

— Боже мой... Какая неземная красота!

Даже несколько мужчин-гримеров не сдержались и подались вперед, стремясь получше рассмотреть безупречный образ.

Гао Лан закончил со своим гримом чуть раньше. Облаченный в темное одеяние и тяжелый черный плащ, он неспешно подошел к Тунси. Статный, чуть более высокий актер скрестил руки на груди и принялся внимательно, изучающе разглядывать коллегу своими выразительными, слегка прищуренными глазами. Линь Тунси стоял неподвижно, спокойно принимая этот оценивающий взгляд.

Наконец Гао Лан негромко произнес:

— Потрясающе. Ты великолепен.

Вместо ответа Линь Тунси сделал плавный шаг вперед и невесомым жестом провел ладонью над плечом Гао Лана, словно смахивая невидимый персиковый лепесток. Посмотрев ему прямо в глаза, он мягко улыбнулся:

— Благодарю за похвалу, господин.

— Да! Да! Именно это мне и нужно! Потрясающее попадание!

Звонкий, восторженный голос режиссера Ся, разразившегося аплодисментами, заставил вздрогнуть притихшую съемочную группу, которая заворожено наблюдала за этой немой сценой.

Напряжение спало. Гао Лан улыбнулся и первым протянул руку:

— Рад знакомству. Гао Лан.

Линь Тунси мимоходом скользнул взглядом по тяжелому мечу у него на поясе и ответил на рукопожатие:

— Взаимно, учитель Гао. Я Линь Тунси.

Взгляд Гао Лана на мгновение задержался на узкой, перетянутой плотным синим поясом талии Тунси, после чего киноимператор вежливо кивнул:

— Уверен, нам будет приятно работать вместе.

Подлетевший к ним Ся Чуньчжи бесцеремонно ухватил обоих под локти и потащил в сторону режиссерской палатки:

— Так, идемте, обсудим сценарий. Все остальные уже на месте, только вас двоих и ждем!

<http://bllate.org/book/20602/2115717>